

II

НЕУДАВШАЯСЯ ЕВРОПА: ЭПОХА КАРОЛИНГОВ. VIII—X ВЕКА

Период, о котором мы будем теперь говорить, часто рассматривают как первую серьезную попытку создания Европы. Этот период обычно связывают с именем Карла Великого, поскольку его недолговечная империя могла бы стать первым реальным наброском будущей Европы.

Если согласиться с таким мнением, то нужно подчеркнуть, что это был первый образец единой Европы — но образец нездоровый. Ведь проект Карла Великого был проектом националистическим. Империя, которую он создал, — это прежде всего империя франков. В ее основе лежал истинно патриотический дух. Карл собирался даже изменить календарь, дав франкские названия месяцам. Историки редко смотрят на события того времени под этим углом зрения. Тем не менее это очень важный аспект, потому что неуспех этого начинания стал первым в ряду всех неудачных попыток построить Европу, где господствовал бы один народ или одна империя. Европа Карла V, наполеоновская, а затем и гитлеровская были, по существу, анти-Европами, и в проекте Карла Великого уже сохранились зачатки этих замыслов, противоречащих подлинной европейской идее.

Приход к власти Каролингов

Королевство франков знало два периода подъема: в конце V и в VI веках — при Хлодвиге и его сыновьях, разделивших королевство, которое потом снова объединилось на непродолжительное время, — и затем в VIII веке. Власть Меровингов в VII веке понемногу ослабевала — это были короли, лишенные власти, которых даже прозвали «бесполезными королями», а потом, в период новой истории, — «ленивыми королями», потому что они передали власть королевским майордомам, как потом произойдет в Японии Нового времени, когда императоры передадут всю власть сёгунам. В XIII веке майордомы выбирались из рода Пипинидов, происходящего из окрестностей Льежа, и эта должность стала передаваться по наследству.

Карл Мартелл, который занял место своего отца Пипина Геристальского в 714 году, воспринимался как истинный король; его авторитет стал еще выше благодаря одержанным им победам, в особенности после победы над мусульманами при Пуатье в 732 году. После смерти Карла его сын Пипин Короткий получил в руки всю отцовскую власть и, свергнув с трона последнего представителя династии Меровингов, был по решению ассамблеи светских и церковных властей в Суассоне (751) провозглашен королем.

Самым значительным и самым веским следствием этого стало то, что Пипин добился своего повторного помазания на царство уже по личному распоряжению Папы, вместе с сыновьями Карломаном и Карлом, в Сен-Дени (754). Возврат к библейскому ритуалу придает персоне короля сакральное значение, сообщая ему функцию христианского пастыря. Таким образом, повысился авторитет монархии, который в некоторых странах Европы сохраняется и по сей день. Ритуал миропомазания, практиковавшийся в вестготской Европе, не был сохранен: в испанском христианском королевстве после Реконкисты он не

возобновился. Один лишь король Англии, унаследовавший англосаксонские ритуалы, среди которых в VIII веке мы тоже видим миропомазание, создал освященную Церковью монархию. В результате в Средневековье возникает символическое соперничество между королями Франции и Англии: первый требует признать свое первенство на том основании, что крещение Хлодвиг объявляется помазанием на царство. Впоследствии король Франции, как единственный коронованный непосредственно Святым Духом, примет титул «христианнейшего» и, когда авторитет императорской власти сойдет на нет, назовется «первым из королей христианского мира». История Европы полна таких проявлений соперничества, ревности и амбиций, связанных с попытками установления некоей иерархии на европейском политическом пространстве.

Пипин Короткий, по франкскому обычаю, передал свою власть и королевство двум своим сыновьям, которые его и разделили. Однако в 771 году один из них, Карломан, умер, и единственным королем франков остался старший сын, Карл. Он станет в будущем Карлом Великим, и, начиная с него, престол занимает новая династия — Каролинги.

Был ли Карл Великий первым европейцем?

В первую очередь, как того требовали традиции франков и всех варваров, Карл был великим воином. Он одновременно вел завоевательные войны и занимался распространением христианства. Но насилие, жестокость и принуждение в его политике преобладали. Завоевательная политика Карла была направлена на восток, юго-восток и юг. На востоке, в южной Германии, Карл разбил аваров и в 788 году захватил Баварию; на севере Германии ему пришлось провести в период с 772 по 803 год несколько жестоких походов против саксонских язычников.

Во времена Пипина Короткого его главным союзником в германских землях был англосакс Бонифаций (Винфрид), архиепископ Майнцский, который создал многочисленные епископства, в том числе в Зальцбурге, Ратисбонне и Пассау; его ученик Штурм в 744 году по инициативе Бонифация основал аббатство Фульда в Гессене, где архиепископа и похоронили. Бонифаций был убит язычниками-фризами в 755 году во время одного из своих миссионерских путешествий.

Карл Великий самую значительную из своих побед одержал на юго-востоке. Вылазка была направлена против короля лангобардов, который принял христианство, но это не положило конец его нападениям на папские владения в Италии, в том числе и на Рим, так что Папа сам обратился к Карлу с просьбой вмешаться и обуздать лангобардов. Карл, благодаря своим закованным в латы конникам, разбил лангобардов подчистую, взял в плен их короля Дезидерия и занял его престол в Павии, где по традиции был увенчан лангобардской железной короной. Однако у лангобардов осталось два независимых герцогства в Центральной Италии: Сполето и Беневент.

Менее удачными оказались для Карла сражения на южном фронте, где его противниками были мусульмане. Карл, плохо знакомый с испанскими реалиями, потерпел неудачу под Сарагосой и отступил на север, за Пиренеи. Во время одного из столкновений баски уничтожили аррьергард его войска, которым командовал племянник Карла Роланд. Этот малозначительный эпизод был превращен легендой в трагическое поражение от сарацин; в результате появилась «Песнь о Роланде». Карл с большими потерями завершил свой испанский поход на территории будущей Каталонии и в Септимании, что в Лангедоке. По эту сторону Пиренеев ему удалось отвоевать Гасконь — впоследствии он включит ее в королевство своего сына Людовика.

Союз между франками и папством. Карл Великий становится императором

В описанной ситуации ключевым событием стал союз между франками и папством. Папа надеялся обрести во франкских властителях руку помощи, которая бы защитила его от врагов, в особенности от лангобардов, и действительно обрел такую поддержку. Плоды этого союза принесли пользу прежде всего франкским государям. Так произошло помазание Пипина и его сыновей.

На следующем этапе Папа задумал мероприятие «европейского» масштаба — снова объединить христианский Запад в империю, подчиненную франкам. На Рождество 800 года во время пребывания Карла Великого в Риме Папа Лев III провозглашает короля франков императором.

Это событие укрепило самостоятельное положение западного христианского мира перед лицом Византийской империи и греческого православия. Но в остальном, когда Карла Великого называют «отцом Европы», с моей точки зрения, происходит определенная деформация исторической перспективы. Спору нет, в нескольких текстах он еще при жизни был назван «главой Европы», но это скорее дань уважения, нечто из области воображаемого, а не исторической реальности. Европа Карла Великого была Европой, урезанной территориально. Она не включала ни Британских островов — владений англосаксов и ирландцев, которые сохраняли независимость, ни Пиренейского полуострова, большая часть которого была захвачена мусульманами, ни Южной Италии и Сицилии, которые тоже были в руках сарацин, ни, наконец, Скандинавии, которая оставалась языческой и откуда отправлялись в свои походы викинги-норманны — на грабежи или в поисках выгодных торговых путей. Добавим, что из земель, лежащих к востоку от Рейна, в империю Каролингов входила лишь малая толика. Значительная часть Германии оставалась им неподвластной, а главное, недоступны оставались славяне, по-прежнему бывшие язычниками. В Праге

ничего не изменилось с VII века, когда франкский купец Само, преуспевающий работоторговец, был избран королем славян и занял центральную часть Богемии.

Коронация Карла в качестве императора как для Папы — автора этого замысла, так и для самого Карла, который дал согласие без особого энтузиазма, была главным образом возвратом к прошлому, попыткой восстановления Римской империи, но не проектом, направленным в будущее; а ведь Европе теперь суждено было обращаться к будущему. Конечно, основывая на древних землях франков новую столицу, Ахен, Карл мечтал сделать ее «будущим Римом». По сути, он бросал вызов «Новому Риму», то есть Константинополю. Но при этом взгляд его был обращен назад, на Рим, который был не центром европейской империи Каролингов, а местопребыванием достаточно слабой папской власти. После смерти Карла Ахен угасает; он перестает быть столицей Запада вскоре после своего основания, хотя миф о нем будет жить в течение всего Средневековья. Останутся одни величественные памятники, свидетели мечтаний Карла. Нынешние европейские мероприятия, проходящие в Ахене, есть не что иное, как ностальгические церемонии. Замысел каролингской империи, если рассматривать его в долговременном плане и, в особенности, в общеевропейской перспективе, не увенчался успехом.

Я присоединяюсь к мнению известного итало-американского медиевиста Роберто С. Лопеса (Lopez): «Мы не можем называть прелюдией Европы то, что правильнее определить как фальстарт. Сегодня, когда говорят о Европе, не подразумевают ни единую религию, ни общее государство, а только совокупность политических институтов, светских знаний, художественных и литературных традиций, экономических и социальных интересов, которые скрепляют воедино мозаику из различных взглядов и независимых народов. С этой точки зрения империя Каролингов представляется нам почтенным начинанием, но при детальном рассмотрении его надо признать неудачным».

Наследие, оставленное Карлом Европе

В эти времена, создавшие почву для позднейшего каролингского мифа, было, тем не менее, заложено несколько краеугольных камней будущей Европы. Первый из них — это попытка введения единообразия в правовой области. Карл издал свод правил, которые должны были действовать на всей территории империи, относились к разным областям государственного управления и предназначались для выполнения их повсеместно и всеми жителями. Там были разделы, касающиеся крупных владений в сельской местности, образования, правовой системы и посланцев императора, именовавшихся «*missi dominici*». Это так называемые *капитулярии*. Кроме того, Карл провел финансовую реформу, учредив единую денежную систему, в основании которой лежала серебряная монета — *денье*. Но успехи в восстановлении торговли на дальние расстояния, в частности с мусульманским миром, были весьма малочисленны. В то же время другая важная реформа осталась во многом незавершенной. Это реформа самих основ законодательства. Варварские законы, как мы видели, наделяли разных людей разными правами и имели ярко выраженный этнический характер. К франкам, бургундам, лангобардам и готам применялись разные законы. Карл Великий хотел заменить весь этот юридический разноречивый единым законодательством, применимым ко всем людям, живущим на территории империи. Хотя эта попытка и не была до конца реализована, она остается одним из самых революционных начинаний Карла, и к тому же она помогла осознать принципиальную возможность введения единого европейского права.

Более успешным стало другое начинание, проведенное под давлением Карла и его преемников — введение единообразия в монастырскую жизнь, что наложит свой отпечаток на формирующуюся средневековую Европу: монахи были многочисленны, весьма деятельны и пользо-

вались большим авторитетом. Еще на заре Средневековья появились разнообразные монастырские уставы. Карл, любивший порядок и единообразие, поддержал объединительную деятельность одного каталонского монаха, который основал монастырь близ Монпелье, в Аньяне, и в первую очередь занялся там возрождением и обновлением устава VI века, автором которого был святой Бенедикт Нурсийский. Принятие обновленного устава св. Бенедикта — к тому времени уже широко распространенного в Италии — всеми монастырями на территории империи попадает в повестку дня пяти соборов, собиравшихся в разных городах в 813 году. Обязательность бенедиктинского устава провозгласил сын и преемник Карла Великого Людовик Благочестивый на Ахенском соборе в 816 году. Святой Бенедикт Нурсийский выделял в распорядке дня монахов время для литургии и личных молитв, для трудов физических и умственных; святой Бенедикт Аньянский добавил к этим видам деятельности миссию проповедничества и обращения язычников. В социально-культурной картине христианского мира IX—XII веков монастыри будут занимать важнейшее место, даже если согласиться с мнением Людо Милиса (Milis) о том, что их роль обычно несколько преувеличивается.

Европа воинов...

Так под властью церковных и светских правителей и под воздействием монашества в IX веке произошло формирование единой Европы воинов и единой Европы крестьян. По образцу королевства франков все подданные империи Карла Великого, находящиеся в прямом подчинении у суверена — короля, считаются воинами. Все должны служить с оружием в руках, каждый свободный мужчина — потенциальный солдат, и он либо сам, либо в составе отряда, набираемого его сеньором, должен участвовать

в военных походах государя. Походы осуществлялись в период с весны до осени, поскольку лошадям нужна трава для пропитания.

За 46 лет царствования Карла военных походов не было только два года: в 790 и 807 годах. Главной ударной силой его войска была хорошо защищенная доспехами тяжелая кавалерия. Свободные люди, призванные на военную службу, должны были либо сами, либо при помощи своего сеньора обзавестись конем, щитом и оружием. Это могло быть легкое копье и короткий меч с односторонним лезвием, чтобы биться в пешем бою, а лучше — длинный меч с обоюдоострым лезвием для конного боя. Если поход увенчивался успехом, а при Карле часто так и бывало, победителям доставались более или менее богатые трофеи. Империя Каролингов, как и все великие империи со времен Александра и до Мехмеда Завоевателя¹, черпала часть своих доходов из военной добычи.

Общее количество солдат, которыми располагал король, — правда, их редко собирали всех сразу, — составляло приблизительно пятьдесят тысяч человек, в том числе две или три тысячи конников. В Средние века не оперировали большими числами — прежде всего это проявилось в военной сфере, которая для Средневековья наиболее показательна. Военачальники средневекового войска были обязаны своим богатством в первую очередь доходам от больших доменов. Земля была одним из главных источников богатства и власти будущих европейцев. Можно утверждать, что Средневековье началось тогда, когда налоги, собираемые государством, сменились повинностями в пользу крупного землевладельца, в будущем — сеньора. На землях, принадлежащих таким богатым землевладельцам, жило и работало около 90 процентов всего светского населения.

¹ Мехмед II Завоеватель (1432–1481, правил в 1451–1481) — турецкий султан, завоевавший Константинополь.

...И Европа крестьян

Европу того времени можно назвать миром воинов, поскольку в ней господствовало меньшинство воинов-землевладельцев, но фактически большинство ее жителей составляли крестьяне. Их социальный статус был различен. По-прежнему существовали рабы: христианство почти не облегчило их участь. С другой стороны, возникали новые отношения между сеньором, его крестьянами и государственными землями. Все больше людей и земель переходило под непосредственную власть сеньоров. На место рабов приходили сервы, и появлялись сервильные земли, которыми крестьянин не мог распоряжаться, то есть не имел права обменять их или продать. Запад по-прежнему оставался краем лесов, хотя в VI—VII веках прокатилась первая волна раскорчевок. Крупные земельные владения, как правило, разделялись на две части. Первая часть, домен, или резерв, — земля, которую обрабатывали для самого сеньора его крестьяне, несколько раз в неделю выполняя барщину. На другой части земли крестьяне работали на самих себя, чтобы, во-первых, прокормить семью, а во-вторых, вырастить небольшой излишек и обменять его на нужные для жизни товары за пределами поместья своего сеньора. Многие из этих крестьян — больше, чем обычно представляют, — были свободными людьми, которые владели собственными наделами — *аллодами*.

Во времена Карла Великого намечаются процессы, которые станут одним из значительных событий Средневековья, а потом — важной характеристикой Европы в целом. Крестьяне добиваются от сеньоров ряда свобод, благодаря чему сельское население переходит в категорию свободных людей и освобождается таким образом от барщины, а сеньоры оказываются вынуждены или смириться с уменьшением своих владений, или проводить политику повторного закабаления. Второй вариант был реализован

только на востоке Европы и стал еще одной причиной размежевания Западной и Восточной Европы и отдаления их друг от друга. Существенное внимание к обустройству сельской жизни остается и на сегодняшний день важной чертой Европы, а во времена Карла этот вопрос стал предметом его особого внимания и забот. Капитулярый «О поместьях» («De villis», ок. 800 г.) полностью регламентировал жизнь людей, занятых в аграрной сфере, даже за пределами королевского домена. По нему можно восстановить панораму деревенской жизни, характерную для раннего Средневековья, ранней Европы, которая сохранил впоследствии многие ее черты.

Каролингская цивилизация как пласт европейской культуры

В Европе времен Каролингов самой развитой сферой, безусловно, была сфера культуры. Просвещенность Карла Великого не стоит преувеличивать: сам он с трудом разбирал буквы, не умел писать и едва понимал латыни, но в его политике четко проводился один важный принцип. Карл считал, что ученость и образование являются неотъемлемым признаком власти и ее необходимым инструментом. Приумножать знание и покровительствовать ему, по мнению Карла, есть одна из первых обязанностей государя. Он понимал, что в подобных делах монарху следует опираться в первую очередь на клириков — они больше всех были сведущи в этой области, — а также что образование должно ориентироваться прежде всего на сыновей влиятельных мирян, которых он привлекал к управлению империей. Тут нельзя было ограничиваться силами одних франков, надо было использовать весь культурный потенциал империи. Карл привлекал к делу даже представителей стран, которые в империю не входили, — например ирландцев, англосаксов и испанцев. Иногда

Карла Великого изображают таким предтечей Жюль Ферри, который ходил по школам и подбадривал учеников¹. Школы, созданные или преобразованные Карлом, предназначались в основном для детей аристократии. Начиная с 781 года Карл окружил себя образованными и учеными людьми. Жан Фавье (Favier) назвал их «придворными интеллектуалами». Это были, например, лангобард Павел Диякон (наст. имя Варнефрид), итальянец Павлин Аквилейский, испанец Теодульф, ставший в 797 году епископом Орлеанским и настоятелем аббатства Флери-сюр-Луар (Сен-Бенуа-сюр-Луар), и, конечно, главный советник Карла, англосакс Алкуин (ок. 739–804): он оставался всю жизнь простым диаконом, но сделался настоятелем аббатства Святого Мартина в Туре, ставшего при нем одной из самых мощных опор процесса, который назовут позднее Каролингским возрождением.

Этот ученый мир был в основном мужским, но в нем выделяется и несколько женских фигур. Алкуин, например, был еще и советником Гислы, сестры Карла Великого и настоятельницы аббатства в Шелле; с его подачи она поощряла в аббатстве умственный труд и организовала мастерскую, где усердно переписывались древние рукописи. Графиня Дуода, аристократка из Аквитании, жившая в начале IX века, вдали от королевского двора, получила прекрасное образование, которое захотела передать своему сыну Вильгельму, герцогу Септиманскому, и написала для него сборник наставлений.

Каролингское возрождение в период правления Карла на самом деле было не столь блистательным и победоносным, как это часто представляют, и носило более скромный характер. Прежде всего, в это время двор Карла проникается не только серьезным вниманием к культуре,

¹ Жюль Ферри (1832–1893) — французский политический деятель, известный, в частности, тем, что провел реформу школьного образования и сделал его начальной ступень обязательной, бесплатной и светской.

но и живым интересом к различным играм. Карл и его ближайшее окружение создают так называемую придворную академию — это литературная игра, участники которой носят прозвища, напоминающие об античности. Любопытно отметить, что среди этих прозвищ есть и греческие, и латинские имена, а также библейские. Алкуин был Альбином, или Флакком, то есть Горацием; Ангильберт звался Гомером, Теодульф — Пиндаром; молодой поэт Модуэн был Назоном, то есть Овидием; Пипин Италийский — Юлием, то есть Цезарем; но кроме них, были Аарон и Самуил. Адальхард назывался Августинном, а сам Карл Великий — Давидом, «мирным государем». Это мероприятие в точности соответствовало намерениям Алкуина превратить двор Карла Великого в «Афины даже прекраснее древних, ибо теперь они будут облагорожены учением Христовым».

Вторая волна интереса к учености продолжит и даже углубит эти начинания, предпринятые Карлом, так что период «возрождения» продлится при Людовике Благочестивом и Карле Лысом. Кроме королевского двора, проводниками этого движения станут монастыри. Так, в новом Фульдском аббатстве в Германии будет учиться Эйнхард, а начиная с 822 года настоятелем Фульды станет знаменитый Рабан Мавр.

Можно без преувеличения признать, что интеллектуальная жизнь Каролингской эпохи стала целым пластом европейской культуры. В капитулярии «О необходимости занятий науками» («*De litteris colendis*») Карл Великий утверждал, что королевская власть должна понимать важность знания и защищать его престиж.

Некоторые из реформ, проведенных в жизнь Карлом и его советниками, были очень важны. Возьмем реформу письменности. Новое начертание, получившее название «каролингский минускул», было ясным, стандартизованным и изящным; в результате читать и писать стало легче. Можно сказать, что это была первая общеевропейская

письменность. В монастырских, королевских и епископальных скрипториях идет усердная переписка рукописей, и Алкуин делает новый шаг в сторону ясности и упрощения — обращает внимание на пунктуацию. Карл инициирует также работы по пересмотру текста Священного Писания. Это сопоставление списков Священного Писания, с которого на средневековом Западе начнется большая работа по толкованию Библии, было важным начинанием, в котором уважительное отношение к исходным священным текстам совмещалось с внесением в перевод разумных поправок, обусловленных развитием наук и образования.

Каролингское возрождение до сегодняшнего дня привлекает к себе внимание, в особенности роскошными иллюстрациями и миниатюрами того времени. Ряд молитвенников и Псалтырей каролингского периода — это подлинные шедевры. Интерес к текстам псалмов, который ощущается в течение всего Средневековья, положит начало той особой приверженности к библейской поэзии, которая ощущается в Европе и поныне.

Нужно заметить также, что без прямой связи с каролингскими реформами, но в ту же эпоху появляется еще одна идея, имевшая успех, которой было суждено развиваться, просуществовать все Средневековье и сохраниться до сегодняшнего дня. После VI века Апокалипсис, или Откровение Иоанна Богослова, не спешили причислять к каноническим текстам Нового Завета, и этот текст не вызывал интереса среди клириков и верующих. В конце VIII века одна книга в мгновение ока возрождает интерес к Апокалипсису. Речь идет о «Комментарии», составленном около 780 года монахом Беатом из монастыря в Лиебане, неподалеку от Сантандера. Число иллюстрированных копий этого комментария растет в течение IX—X веков. Эти иллюстрации демонстрируют удивительные достижения западных художников-миниатюристов в

изображении ужасов и страхов. Благодаря Беату в Европе появился первый настоящий триллер.

IX век имел также решающее значение для развития церковной архитектуры на Западе. Два новшества останутся важнейшим наследием этого периода. Одно из них — появление насыщенного символическим смыслом элемента, — поперечного нефа, или трансепта. Благодаря этому линейный (как у древней римской базилики) план церковного здания приобрел форму креста. Трансепт появляется около 800 года в Сен-Морис-д'Ангон, в Кёльнском и Безансонском соборах. В этот же период при строительстве аббатства Сен-Рикье появляется еще одно нововведение, которому было уготовано большое будущее. Это фасад западных храмов с двумя фланкирующими башнями, предвосхитивший будущие порталы романских и готических церквей. Строятся здания-образцы: монастырь Сен-Дени, Фульдское аббатство, императорский дворец и капелла в Ахене. Заказчики и мастерские переезжают с места на место, и анонимные мастера — а они стали восприниматься как люди искусства лишь значительно позже — создают облик будущей Европы, в котором один памятник вторит другому.

Франция, Германия, Италия как сердце Европы

Единство империи, согласно нескольким текстам, ассоциировалось со словом «Европа». В сочинении «Песнь о Карле Великом» («*Carmen de Carolo Magno*») этот монарх характеризуется как «почтенный ум Европы» и «отец Европы». В 781 году Карл Великий передаст королевство Аквитания своему сыну Людовику — этот же сын в 814 году после смерти Карла получит всю империю. Но Людовик Благодетель оказался не в состоянии обуздать напор своих сыновей и к тому же не смог справиться с управлением огромными территориями, поэтому он

возвращается к традиции раздела империи между королевскими сыновьями. Это деление после его смерти было подтверждено соглашением Лотаря и Людовика Немецкого, потом уточнено в «Страсбургской клятве» (842), первом официальном тексте на народных языках, романском со стороны Людовика и тевтонском со стороны Карла Лысого, а также — в Верденском (843) и Минденском (844) договорах о разделе империи. После всех этих перипетий стали вырисовываться контуры разделения западной оконечности мира на две части — западную и восточную Франкии, — населенные двумя народами, которым в будущем предстояло стать французами и немцами. Между ними находилась третья часть, вытянутая с севера на юг, в которую, кроме двух столиц — Ахена и Рима, — входили еще область, занимающая промежуточное положение и названная Лотарингией, и Италия. Лотарингия вскоре показала себя искусственным и недолговечным образованием. Политической и территориальной реальностью станет выделение трех областей, которые в одном документе IX века названы «*prestantiores Europae species*»¹, — это и есть три главные части Европы: Галлия, Германия и Италия. Эти образования, которые не имели тогда ни четких границ, ни сформированных структур власти, явились, по сути, первыми эскизами трех будущих государств Европы Нового времени и Европы сегодняшней, а именно Франции, Германии и Италии. Здесь есть повод поразмышлять о том, как медленно происходит складывание Европы. Очень рано в европейском пространстве выделились силы, превосходящие все остальные. Современному составу Европы тоже приходится сталкиваться с амбициями пары Франция—Германия, которая, безусловно, поддерживает стабильность в Европе, но в то же время порождает неравенство и является источником напряженности в Европейском сообществе.

¹ «драгоценнейшие части Европы» (лат.).